

Лермонтов Михаил Юрьевич

**Песня про царя Ивана
Васильевича, молодого
опричника и удалого купца
Калашникова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Юрьевич Л.**
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца
Калашникова / Лермонтов Михаил Юрьевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-93258-5

ISBN 978-5-519-93258-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПѢСНЯ

ПРО

ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА

И

УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твою любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гусярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго,
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое,
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любятъся имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его всё бояре да князья,
По бокамъ его всё опричники;
И пируетъ царь во славу Божию,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднести его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.

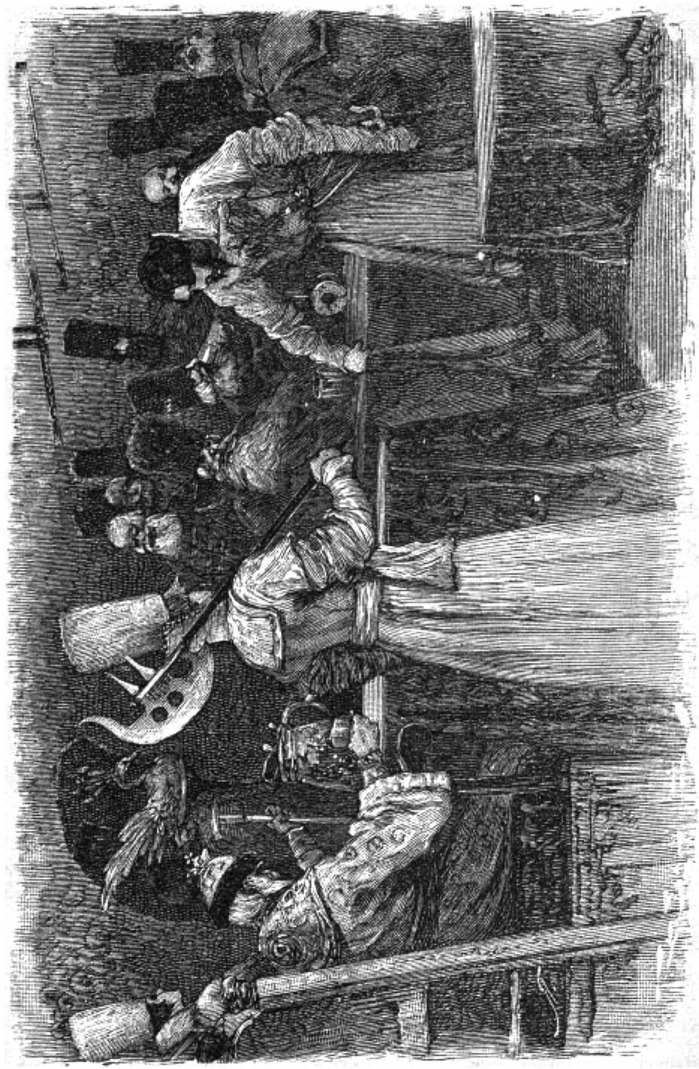
Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный мѣлодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,—
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя, сизокрылаго, —
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
— Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,—
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
— Вотъ промолвилъ царь слово грозное,—
И очнулся тогда добрый мѣлодецъ.

„Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣвичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али слава нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется —
Та стремглавъ на землю падаетъ....
Не прилично же тебѣ, Кирибѣвичъ,
Царской радостью гнушаться;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!..“
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣвичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:

— „Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную не запотчевать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову...
Тяготить она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.“

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
„Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣвичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь...

Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалёная?
Или конь захромалъ худо-кованный?
Или съ погь тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ рѣкѣ, сынъ купеческій?“

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— „Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другого нарядимся.

— Какъ я сяду-поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покатайся,
Кушачкомъ подтянуса шелковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную —
У воротъ стоятъ у тесовыхъ
Красны дѣвушки да молодухи,

И любятъся, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любитъся,
Полосатой фатой закрывается....

— На святой руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходить плавно—будто лебѣдушка,
Смотрить сладко—какъ голубушка,
Молвить слово—соловей поетъ.
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя.
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Въ семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.

— Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчѣвые,

И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казной своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удалство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?..
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлять по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирья дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...”

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
„Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышлёной поклоняйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Алѣнѣ Дмитревнѣ:

Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся.“

— „Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему, христіанскому...“

*
* *

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный мѣлодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо бары богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо—
Гонитъ ихъ метелица, распѣваячи;
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.